

Приложение VII

ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ РУССКОГО КОМАНДОВАНИЯ

Общий взгляд на войну 1812 года

Публикуется по: Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Под общей редакцией генерал-лейтенанта Леера. Часть I. Издание 2-е. СПб.: В. Березовский, 1893. С. 265–270

По внутреннему своему содержанию война 1812 года распадается на следующие периоды:

1-й — *от начала до Бородина*, период увлечений и постепенного их исправления, вплоть до приезда к армии Кутузова;

2-й — *Бородино*, явление, по своему величию и исключительному значению, само собою обособляющееся в отдельные период войны;

3-й — *от занятия французами Москвы до Березины*, период операций в высшей степени целесообразных, заключавшихся в широком развитии действий на крайне опасные сообщения неприятеля (далее следует бегство французской армии, не существующей уже в смысле армии).

I период

Главное увлечение, корень всего зла, заключалось в *неправильно поставленной нами главной цели, основной идеи* операций, заключавшееся в *давлении на операционную линию* противника хоть и *длинную*, но тем не менее, в начале войны (по край-

ней мере до Двины), *вполне безопасную*, благодаря значительному превосходству в силах Наполеона над нами.

Вместо этого следовало бы сразу поставить ту цель, которую на том же театре, при аналогической в известном смысле обстановке, поставил Петр Великий в Северную войну, именно: *уклонение от боя, отступление вглубь* (при обязательном условии прикрытия важнейших пунктов и линии в стране), *изнурение противника*, короче — широкое применение *принципа утомления*, по природе своей, прямо противоположного *принципу деятельности*, составлявшему основу всех действий Наполеона; следовало бы уже в самом начале поставить ту цель, на которую, после ряда ошибок, форсировок и кризисов, мы были потом наведены силою обстоятельств и как бы ощупью.

Из неправильно поставленной основной идеи, само собою, путем логического ее развития, возник ряд новых ошибок: *разделение* на две армии наших и без того слабых сил, разбросанных вдобавок на большом пространстве, что привело к *ошибочному стратегическому развертыванию* наших армий и создало крайне невыгодную исходную линию для наших первых операций.

Так как обнаружилось громадное превосходство в силах на стороне Наполеона, наш первоначальный план изменился — *но не по существу, а только по форме*. 1-я армия отступила к Дриссе, для занятия фланговой позиции, для давления на операционную линию противника, т. е. основная идея осталась прежняя, но только давление на операционную линию Наполеона, возлагавшееся прежде на 2-ю армию, перешло теперь на 1-ю.

Несколько странно, что, заметя несоответствие первого плана требованиям обстановки, мы его видели не в основной *идее* операции, а в *форме* применения ее.

Поскольку обнаружилось значительное численное превосходство неприятеля, следовало бы тотчас же обратиться к целесообразному плану, т. е. *путем концентрического отступления соединить обе армии на Московской дороге и подчинить их одному общему главнокомандующему*. Таким образом было бы удовлетворено и требованиям *обстановки*, и двум принципам стратегии — *сосредоточения сил и единоначалия*.

Вместо этого, 1-я армия отошла к Дриссе, а 2-я — кружила, чтобы так или иначе выйти на Московскую дорогу, которая осталась совершенно открытой, и крайне опасный промежуток между 1-ю и 2-ю армиями к 26 июня (Дрисса-Несвиж) увеличился до 260 верст.

Здесь видно вполне логическое развитие основной идеи — но, к сожалению, ложной. И это логическое развитие неправильной основной идеи, как оно и должно быть, приводило все к большему и большему ухудшению стратегического положения наших армий, из которого они вышли, благодаря ряду форсировок и кризисов (Барклай — в боях под Витебском, Багратион — у Салтановки) и ошибкам неприятеля (указанным в своем месте).

С минуты, когда решено было оставить Дрисский лагерь, в наших операциях обозначился *перелом*, но перелом несколько странный. Вместо того, чтобы обратиться к корню дела, к основной идее операции, и взамен нецелесообразного *давления на операционную линию противника* поставить сразу, со всеми ее последствиями, вполне целесообразную идею *постепенного убирания центра вглубь страны с сохранением давления боковыми корпусами на фланги неприятеля* (что выполнено: Витгенштейном — на севере, Торماسовым — на юге), *постепенно возраставшего по мере удлинения его операционной линии*, мы начали подходить к этой идее как бы незаметно для себя, ощупью, исправляя прежние ошибки изо дня в день.

Заметив, что эксцентрическое отступление 1-й армии к Дриссе открыло Московскую дорогу, мы *отступили* к Полоцку; далее *отступили* к Витебску, где, предупредив неприятеля, исправили одну из крупных ошибок. Затем мы *отступили* к Смоленску, для соединения армий. Соединением их (22 июля) исправили еще более крупную ошибку.

После временного перехода в наступление, вызванного особенными, случайными обстоятельствами, мы снова возвратились к *отступлению*, но к отступлению для приискания удобной позиции для боя.

Итак, начиная от Дриссы до Бородина, мы *все отступали*, все более и более уходили внутрь страны — но не во имя идеи уклонения нашего центра в глубь для давления на операционную линию¹. Нет, ряд частных целей (занятие Московской дороги; соединение армий; приискание позиции), вызванных большей частью необходимостью исправления прежних прегрешений, постепенно, незаметно для нас самих, втягивал нас в русло той общей идеи, которая является главной основой всех наших действий лишь с занятием неприятелем Москвы.

II период

Нецелесообразность Бородинского боя, как в своем месте было приведено, оправдывается необходимостью в эту критическую минуту дать удовлетворение общественному мнению народа, оскорбленная честь которого требовала вступления в бой с неприятелем для защиты Москвы.

Вследствие этого, Бородинский эпизод обособляется сам собою и становится совершенно отдельно, в сторону от общей идеи кампании.

III период

Начиная с занятия Наполеоном Москвы, основной идеей всех наших операций, до конца, сделалось *давление на операционную линию противника*, и на этот раз — вполне законно, так как его операционная линия достигла крайнего предела своей длины, а перевес в силах даже перешел на нашу сторону.

Идея эта получила с этой минуты самое широкое применение в трех формах, соответственно трем различным периодам кампании: 1) в форме *окружения* французской армии в Москве партизанскими отрядами и шайками восставшего народа; 2) в форме *параллельного преследования* и 3) в форме *захвата пути отступления* неприятеля на берегах Березины.

Под Мало-Ярославцем представлялся Кутузову случай покончить дело в случае успеха, сразу блестящим образом; но если бы, несмотря на вполне благоприятную обстановку, всегда капризная участь битв оказалась в этом бою против нас, тогда все было бы безвозвратно потеряно.

Видя, что неприятельская армия разлагается, что окончательное разрушение ее есть только вопрос времени и предпочитая скромное *«верное»* блеску *«неверного»*, Кутузов, в союзе с временем, отчасти с зимой и превосходными мерами, принятыми им для преследования, беспрестанного тревожения неприятеля и угрожения его пути отступления, не рискуя битвой, остался верен идее действий всеми силами и способами на сообщения неприятеля. И он был вполне прав.

Такой вполне целесообразный образ действий имел, однако, и свою оборотную сторону. Он давал право легким и небеспристрастным критикам упрекать Кутузова в излишней осторожности (что может быть допущено только по отношению к Березине),

чуть ли не в трусости перед Наполеоном, а последнему и его приспешникам уверять, что чуть ли не мороз, и только один страшный мороз, погубил наполеоновскую армию, и что наша армия и Кутузов в этом деле вполне неповинны.

Прежде всего *мороз* не мог бы погубить армию, если б она не голодала. Зима 1807 года была суровее зимы 1812 года, но французская армия не погибла. Голод же в армии Наполеона был следствием его просчета и искусных распоряжений Кутузова, окружения французов в Москве и во время отступления партизанами. Французская армия вышла из Москвы 7 октября, а 10 ноября подошла к Березине, т. е. шла 35 дней. Из этих 35 дней 21 день (по Шамбре и Жомини; по Гурго — 18 дней, до 25 октября; но Гурго известен своим пристрастием к Наполеону) армия двигалась при хорошей погоде². Начиная с 25 октября (Шамбре и Жомини) и с 28 октября (Гурго) в течение 3–5 дней армия терпела от стужи, которая простиралась от 12 до 17° (а по Жомини от 3 до 8°). От Орши до Березины была даже оттепель, и мороз не превышал 2–4°.

На Березине мороз усилился до 20–25° и почти непрерывно продолжался до обратного перехода французами нашей границы — но с Березины Наполеон увел только 9000, а вышел из Москвы со 100 000 (не включая сюда Виктора и Удино).

Нет, не один мороз погубил французскую армию, а промахи Наполеона (слишком продолжительное пребывание в Москве), *глубокие соображения Кутузова и его помощников, мужество и труды армии и неусыпность и отвага наших легких войск.*

* * *

Закончим это заключение выпискою из сочинения первого и поныне из известных писателей, иностранца, прусского генерала Клаузевица³, и приведем его беспристрастное мнение о действиях Кутузова в последний период кампании 1812 года.

Упрекая нас в том, что мы не всегда предупреждали французов, а если и предупреждали, то не всегда этим энергически пользовалась, короче — ставя нам на вид некоторые наши *частные* промахи, Клаузевиц говорит:

«Итак, подводя общий итог, мы видим, что французская армия перестала существовать; за исключением взятия в плен Наполеона и его штаба, *поход должен быть признан безусловно*

удачным. Неужели же в этом результате русская армия не имеет никаких заслуг? Такое заключение было бы крайне несправедливо...

Никогда еще преследование в столь широких размерах не было проведено с такой деятельностью и с таким напряжением сил, как в этом походе. Конечно, иногда русские генералы не проявляли достаточной решительности, в минуты, когда б они могли забирать бегущих, но, тем не менее, *их деятельность при преследовании достойна удивления.*

Следует только установить верный масштаб для ее оценки. В ноябре и декабре месяцах, после крайне утомительного похода среди снегов и льдов России, по ограниченному числу проселочных дорог или по совершенно разоренной большой дороге, при больших затруднениях в деле снабжения продовольствием, безостановочно, в течение 50 дней, преследовать неприятеля на расстоянии 120 миль (940, около 1000 верст) — *это беспримерно* [...приводятся потери нашей армии при преследовании]. Такое напряжение делает честь князю Кутузову...

Когда, наконец, под Красным, он решился броситься на неприятеля, половину армии, под начальством Тормасова, направил по ту сторону Днепра, чтоб окончательно запереть путь противнику, и в исполнение этого давно ожидавшегося решения вдруг остановился на полпути, ограничившись лишь только легким помятием своего грозного беглеца, — в этом склонны были видеть высшую степень проявления слабохарактерности и опасное равнодушие к славе и успеху русского оружия, конечно те, которые об этом судили из глубины своего кабинета, а не на поле сражения под Красным...

Стоит только представить себе зиму, со всей ее негостеприимностью; всюду ослабленные физические и духовные силы; армию, таскаемую с одного бока на другой, терпящую лишения, страдающую от болезней и устилающую себе путь мертвыми, умирающими и изнемогающими, — тогда только получится представление о громадных затруднениях, и какая энергия была необходима, чтобы победить инерцию масс...

Кутузов видел, как армия его таяла и насколько трудно было привести более или менее значительную ее часть к границе. Он предвидел, что результат похода будет, во всяком случае, чрезвычайный; он предвидел с большой предусмотрительностью, что результат этот будет заключаться ни более ни менее как в окончательном уничтожении неприятельской армии. *Tout cela se*

fondera sans moi (все это развалится и без меня), говорил он окружающим его. Могло ли, скорее — должно ли было, в его глазах иметь особенную цену несколько ускоренное разрушение неприятельской армии, достигнутое путем риска своими собственными силами?..

«Кутузов решил не вступать в генеральное сражение с неприятелем⁴, а безостановочно преследовать его своими главными силами и беспокоить, утомлять его летучими отрядами. Всего этого, по его мнению, было достаточно для уничтожения противника. Большинство полководцев, на его месте, остановились бы на том же решении».

Затем Клаузевиц делает только один упрек Кутузову — что во время Березинской переправы он держался слишком от нее далеко (что не вполне справедливо).

Комментарии

¹ Само собою разумеется, с переходом численного перевеса на нашу сторону.

² Вопрос о том, «мороз ли истребил французскую армию в 1812 году», обстоятельно исследован в сочинениях нашего славного партизана Дениса Давыдова.

³ Клаузевиц, пруссак по происхождению, в чине подполковника Генерального штаба, принимал участие в войне 1812 года, сначала в звании начальника штаба 1-го кавалерийского корпуса (Уварова), а затем состоял при корпусе Витгенштейна.

⁴ И, добавим мы от себя, этому решению остался верен до конца, несмотря на всякого рода соблазны. Для справедливой оценки действий Кутузова, с этой именно точки следует смотреть на все его действия от Мало-Ярославца до Березины. (Прим. авт.)